

Александр Валентинович Амфитеатров

Падре Агостино

Александр Валентинович Амфитеатров

Падре Агостино

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22104617

Аннотация

«Я жил уже около месяца во Флоренции, «все видел-высмотрел» и в одно прекрасное утро встал с сознанием, что мне смертельно прискучила Firenze la bella с её Cascine, с её ушедшими под облака Fiesole и Certosa d'Enza, с её живописными мостами на Арно, этой реке-хамелеоне раза по три в день меняющей цвет своих быстрых вод Loggia d'Orcagna перестала изумлять меня своим Персеем, Palazzo Uffizi – Медицейской Венерой, Palazzo Pitti – рафаэлевскими «Видением Иезекииля» и «Мадонной della seggiola». В виду этого я вытащил из-под кровати чемодан и принялся укладывать вещи, намереваясь вечером уехать в Сьенну...»

Александр Амфитеатров

Падре Агостино

Я жил уже около месяца во Флоренции, «все видел-высмотрел» и в одно прекрасное утро встал с сознанием, что мне смертельно прискучила Firenze la bella с её Cascine, с её ушедшими под облака Fiesole и Certosa d'Enza, с её живописными мостами на Арно, этой реке-хамелеоне раза по три в день меняющей цвет своих быстрых вод Loggia d'Orcagna перестала изумлять меня своим Персеем, Palazzo Uffizi – Медицейской Венерой, Palazzo Pitti – рафаелевскими «Видением Иезекииля» и «Мадонной della seggiola». В виду этого я вытащил из-под кровати чемодан и принялся укладывать вещи, намереваясь вечером уехать в Сьенну. Так и объявил своему хозяину – синьору Alfredo Sbolzi – превосходнейшему малому на свой, флорентинский манер. Он правда не мог совершенно расстаться с привычкой видеть в иностранце вола с семьёю удобосдираемыми шкурами, но лично довольствовался всего одною великодушно оставляя форестьеру остальные шесть для прокормления будущих его padroni.

– Господи! так ли я слышал? Да разве это возможно – уехать сегодня? – воскликнула Альфредо с жестом, достойным Томазо Сальвини в «Гладиаторе».

– Почему же невозможно? – поинтересовался я.

– А потому, что безумно уезжать из Флоренции, когда в нее только что прибыл великий Монтефельтро.

Известие это произвело на меня очень малое впечатление. Имя Монтефельтро было мне неизвестно, а s-г Sbolgi был великим театралом и играл не последнюю роль в класке флорентинских театров. Он знал по именам всех оперных певцов и каждое утро сообщал мне с таинственно-восторженным видом: сегодня прибыл в город и celebre Manfredi, сегодня дебютирует в Pergola – il distinissimo Sylla Carobbi, сегодня – в Pagliano бенефис (serata d'onore della bellissima Bulycioff – нашей соотечественницы, удивлявшей тогда Флоренцию столько же своим голосом сколько и наружностью: grande grossa, blonda – большая, толстая блондинка три самые драгоценные требования флорентинского вкуса? г-жа Булычева удовлетворяла всем трем, и добрые флорентинцы, не стесняясь вопияли, слушая ее в «Лоэнгрине»: – Это больше чем женщина! Статуя, Венера Медицейская!

– Нет уж s-г Альфредо! – отвечал я баста! – не удивите вы меня никаким Монтефельтро... Хотя сам Котоньи приезжай не останусь: надоела мне ваша Pergolla.

– Но, синьор! – возразил Альфредо – вы заблуждаетесь, Монтефельтро – не артист он – монах, проповедник...

– И вы, s-г Sbolgi, не нашли для меня приманки лучше монашеской проповеди? А еще либерал! Еще над постелью повесил портрет Гарибальди!.

– S-г! Падре Агостино – необыкновенный монах. Вы зна-

ете: у меня был брат в «тысяче», и его расстреляла папская сволочь... но перед падре Агостино я преклоняюсь: он патриот, и когда он говорить... вы понимаете... я не фанатик – мое убеждение: религия – вещь прекрасная, но нам, беднякам, она слишком дорого обходится. Однако, когда падре Агостино говорить, я плачу.

Из-за такой диковинки, как патер-патриот, заставляющий плакать легкомысленных флорентинцев, во время оно спаливших на своей Piazza della Signoria – Джероламо Савонароллу, а потом построивших на месте ужасного костра нецензурный фонтан Нептуна – ужас чопорных англичанок-пуристок, – стоило остаться. На другой день я слушал Монтефельтро в Cattedrale, и, должен признаться, никогда не выносил более сильного впечатления от живой речи. Cattedrale (Santa Maria del Fiore) – одно из громаднейших зданий Италии – совместная работа Флоренции, Каррары и Сьенны – здание, в обыкновенное время пустынное. Обычное число богомольцев-хотя и довольно почтенное: Флоренция город все-таки более религиозный, чем, например, Милан или Турин, теряется в величественном просторе этого храма Медичей. Теперь же в нем, что называется, яблоку некуда упасть. По протекции одного из членов русской колонии, г. Б – это странный совсем об итальянившийся господин, полукатолик, полусведенборгианец, лицо очень уважаемое во Флоренции – я получил место у самой кафедры. Послушали вытье плохих певчих и рокот органа, величественно

разносившийся под грандиозным куполом Брунеллески Равного этому куполу по смелости свода нет в целом мире, пред ним преклонялся, как пред чудом, даже не знавший пределов своей фантазии, Микель Анджело Буонаротти Наконец, на кафедр появился монах, то был сам падре Агостино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.